

КУЛЬТУРНЫЕ ТРАДИЦИИ И НАЦИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА

Научная статья
УДК 821.161.1.09 «18»
Doi:

ПОЭТИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЫ МИРА В РУССКОЯЗЫЧНОЙ БЕЛОРУССКОЙ ПОЭЗИИ «ПОГРАНИЧЬЯ» (Л. КРАСЕВСКАЯ И А. АВРУТИН)

Мария Петровна Жигалова

Брестский государственный технический университет, Брест, Беларусь, zhygalova@mail.ru

Аннотация. В статье анализируется сложнейший феномен современной литературы — транскультурная поэзия русско-белорусского пограничья с выходом в мультикультурный полилог. Интерпретация художественных картин мира двух конгениальных русскоязычных поэтов Белоруссии — Л. Красевской и А. Аврутина — сопровождается выводами компаративно-аналитического плана, позволяющими определить типологию лирического русскоязычного поэтического текста и высветить оригинальную авторскую модель мира. Автор статьи акцентирует внимание на образно-метафорических, семантико-символических составляющих их поэзии и отмечает тенденцию к движению от личного к всеобщему бытийному. Подчеркивается особая форма мультикультурного патриотизма Красевской, связанного с неразделимостью в ее творческом миропонимании «двух родин». Более того, ностальгическая тоска по ним фиксируется в поэтических образах, имеющих поликультурный характер. Подобного рода мультикультурализм выявляется и в авторской эстетике Аврутина, репрезентирующей полилог материальной и духовной сфер лирического героя как особую форму ноосферного сознания.

Ключевые слова: транскультурность, мультикультурность, этновитальность, Л. Карасевская, А. Аврутин, миромодель.

Для цитирования: Жигалова М.П. Поэтическая репрезентация национальной картины мира в русскоязычной белорусской поэзии «Пограницья» (Л. Красевская и А. Аврутин) // Русистика и компаративистика: Сб. науч. трудов по филологии / Гл. ред. С.А. Васильев. Вып. XVI. М.: Книгодел, 2022. С. 28–46. <https://doi.org/>.

Original article

**POETICAL REPRESENTATION
OF THE NATIONAL ARTISTIC WORLDVIEW
IN THE RUSSIAN-LANGUAGE BELARUSIAN POETRY
OF THE “CULTURAL FRONTIER”
(L. KRASEVSKAYA AND A. AVRUTIN)**

Maria Petrovna Zhigalova

Brest State Technical University, Brest, Belarus, zhygalova@mail.ru

Abstract. The article analyzes the most complex phenomenon of modern literature — transcultural poetry of the Russian-Belarusian borderland with access to a multicultural polylogue. The interpretation of the artistic pictures of the world of two congenial Russian-speaking poets of Belarus — L. Krasevskaya and A. Avrutin — is accompanied by conclusions of a comparative-analytical plan, allowing determining the typology of the lyrical Russian-language poetic text and highlighting the original author’s model of the world. The author of the article focuses on the figurative-metaphorical, semantic-symbolic components of their poetry and notes the tendency to move from the personal to the universal existential. Emphasizes a special form of Krasevskaya’s multicultural patriotism, associated with the inseparability of the “two motherlands” in her creative worldview. Moreover, nostalgic longing for them is recorded in poetic images that have a multicultural character. This kind of multiculturalism is also revealed in the author’s aesthetics of Avrutin, representing the polylogue of the material and spiritual spheres of the lyrical hero as a special form of noospheric consciousness.

Key words: transculturality, multiculturalism, ethnovitality, L. Krasevskaya, A. Avrutin, poetic world model, cultural frontier.

For citation: Zhigalova M.P. (2022). Poetical representation of the national worldview in the Russian-language Belarusian poetry of the “cultural frontier” (L. Krasevskaya and A. Avrutin). In: *Russian Philology and Comparative Studies: Collection of Scientific Works on Philology*. Chief editor S.A. Vasilyev. Vol. 16. Moscow: Knigodel, 2022. Pp. 28–46. (In Russ.). <https://doi.org/>.

Введение. В современном многонациональном, многоконфессиональном и многокультурном обществе вопросы взаимодействия языка, культуры и нации определяют принципы повседневного сосуществования. Цивилизация активно сближает народы, подчас нивелируя национальные различия. И все же в процессе общения — непосредственного и опосредованного (через научный, публицистический или художественный текст, искусство живописи, скульптуры, архитектуры, кино, театра, музыки, танца и через любые другие информационные каналы) — коммуникант руководствуется культурным фондом, сформировавшимся в условиях существования в определенной социальной и национально-культурной среде. Продукт, средство или информационный канал такого общения неизбежно несут в себе специфику локальной культуры, которой они принадлежат. А значит, национальная специфика неизбежно проявляется при сопоставлении и столкновении различных локальных культур. В этом плане важную роль играет компаративное исследование различных инонациональных проявлений в творчестве так называемых транскультурных писателей, интерферирующих в художественном тексте разные этнокультурные элементы национальных традиций, оказавших влияние на авторскую картину мира.

Ю.М. Лотман отметил важность концептуализации категории «национальная литература» в системе сравнительного исследования как разнонациональных литературных феноменов, так и их стыка внутри одного поликультурного текста: «После того, как Д. Дюришин показал, что между взаимодействием различных текстов внутри национальной литературы и текстами разных литератур, с точки зрения механизма контакта, существенной разницы нет, значимость этих положений с точки зрения компаративистики сделалась очевидной» [Лотман 1992: 111].

Важно подчеркнуть, что русскоязычная литература Беларуси конца XX — начала XXI века сегодня рассматривается не только как составная часть белорусской литературы и культуры, но и как своеобразное явление русской и мировой литературы, поскольку в ней ярко представлен синтез различных этносов, коррелирующих между собой в семиотике знаковых миромodelей. Развиваясь в русле реалистических и постмодернистских тенденций, активно откликаясь на события современности, она отражает не только судьбы русского, белорусского и иных этносов, но и судьбы человеческой цивилизации, историю и культуру народов, живущих многие годы в мире и согласии в различных регионах Беларуси и мира, их психологию и философию жизни.

Заметим, что, говоря о русскоязычной литературе, функционирующей в мировом образовательном пространстве, мы имеем в виду литературу писателей, принадлежащих ко многим этносам, в силу жизненных обстоятельств живущих в разных странах мира, но пишущих и издающих

свои произведения на русском языке. Поэтому русскоязычная литература может исследоваться и рассматриваться в любом государстве мира одновременно как факт этнической, русской, и мировой культуры. Это происходит еще и потому, что творчество многих русскоязычных художников слова известно не только в своем государстве, но далеко за его пределами. Часто такие транскультурные писатели формируются в системе особого пространства пограничья, рассматриваемого Томасом Венцловым как опыт внешней и внутренней миграции [См. подробно: Венцлов 2015].

Произведения русскоязычных писателей белорусско-польского пограничья обладают особым свойством транскультурности. Созданные на русском языке произведения являются не только белорусскими по своей ментальной сути, потому что в них отражены характеры и нравы белорусов, национальная культура, традиции, географические реалии, история региона, исторические и культурные памятники, лидеры нации, белорусская природа, но и мультикультурными, отражающими инонациональную культуру многих этносов, гармонию человеческих отношений.

Мы отмечали ранее, что «культура брестско-польско-русско-украинского пограничья характеризуется спецификой того исторического пути, который прошел народ, проживающий здесь. Он отложился в социальной памяти этого мультикультурного пространства — в языке, который является средством взаимодействия поколений, культур и цивилизаций, и традиционных установках поликультуры» [Жигалова 2012: 122]. Да и современные исследователи-лингвисты, работающие сегодня в антропоцентрическом ключе, проявляют все больший интерес к проблеме взаимосвязи языка и культуры — двух глобальных системных образований, регулирующих жизнь как отдельного индивида, так и обеспечивающих существование социума. Заметим, что актуальность теоретического осмысления взаимосвязи культуры, языка, мышления и нации подтверждается обширным исследовательским материалом, начиная с древних времен. Одним из главных аспектов, находившихся в фокусе внимания философов во времена Античности, например, был вопрос взаимодействия культуры и среды обитания народов. Гиппократ выдвинул общее положение, согласно которому все различия между народами — в том числе их поведение и нравы — связаны с природой и климатом страны.

Просветители ввели понятия «дух народа» и пытались решить проблему его обусловленности географическими факторами. Согласно Гердеру, язык и культура — особые средства связи поколений в пространстве и времени, оказывающие безусловное и первоочередное влияние на формирование образа жизни и мировосприятие.

Немецкие «отцы-основатели» этнопсихологии ученые М. Лацарус (1824—1903) и Г. Штейнталь (1823—1893) полагали, что все индивиды одного народа обладают одним и тем же «народным духом», под кото-

рым они понимали психическое сходство индивидов, принадлежащих к определенному народу, и одновременно их самосознание. Народный дух «проявляется, прежде всего, в языке, затем в нравах и обычаях, установлениях и поступках, в традициях и песнопениях» [Русская культура 2008: 562].

Методы исследования. Русскоязычная литература пограничья, которая многие годы функционирует и успешно развивается в условиях поликультурности, становится своеобразным этическим ключом, позволяющим читателю открывать родные корни, одновременно осознавая, что жизнь представителя любого этноса держится на любви к людям, природе, родине, на умении консолидироваться. Опираясь на актуальные методологические проблемы литературоведения конца XX — начала XXI в., такие, как: выявление многосторонних связей литературы с иными формами деятельности человека; корректировка представлений о том, что в культуре и литературе является «центром» (в ценностном смысле), а что — «периферией», что «вечно современной классикой», а что — произведением-«памятником», принадлежащим определенной эпохе, символизирующим определенные явления прошлого, и в связи с этим — системы художественных ценностей и оценок, мы выделили одну из них — проблему этновитальности и мультикультурности и показали, как решение этой проблемы влияет на формирование личности, способной к консолидации общества в мультикультурном пространстве.

Можно сказать, что литература Беларуси, в том числе и литература белорусско-польского пограничья, всегда была мультикультурным явлением. И современные поэты унаследуют и развивают те традиции, на которые им указали предшественники и которые сегодня формирует время. Поэтому прежде всего покажем, как в творчестве поэтов-белорусов начала XX в. уживались несколько культур одновременно. Сначала проанализируем, как славянские литературы и культуры (русская и белорусская, в частности), а также белорусская этновитальность отразились в судьбе и творчестве поэтов белорусского пограничья. В частности, рассмотрим лирические тексты русскоязычных поэтов транскультурного пограничья Л. Красевской и А. Аврутина. В их творчестве трансмиссия этнокультурных традиций связана с авторским пониманием современного мира как мультикультурного пространства, когда разные национальные этосы сосуществуют и репрезентированы через образы как равноценные и взаимообусловленные.

Следует подчеркнуть, что термины «этовитальность» и «мультикультурность» взаимосвязаны. Если этновитальность понимается нами как жизнестойкость, внутренняя энергия культуры, та сила, которая позволяет сохранить свою идентичность, то термин «мультикультурность» сегодня полисемантичен. Среди важных значений отметим такие, как по-

литика, направленная на развитие и сохранение культурных различий в отдельной взятой стране; как параллельное существование культур в целях их взаимного проникновения, обогащения и развития. Мы будем употреблять этот термин во втором значении.

Белорусские русскоязычные поэты, живущие в системе творческой русско-белорусской транскulturации, в то же самое время находятся в более глобальном интегрированном пространстве множества культур, типов сознаний, логик, точек зрения. Этновитальность и мультикультурность реализуются в их судьбах и творчестве как способ освоения духовно-ценностных основ жизни через разные культуры и как форма поиска своей идентичности.

Современные исследователи отмечают, что «компаративные аспекты изучения интертекстуальных и рецептивных аспектов творчества того или иного писателя в контекстуальном поле мировой литературы непосредственно связаны с теорией “диалога культур”. Диалогически равноправные взаимодействия могут создать основу для творческой переработки или переосмысления традиции (и не свести взаимодействие к подражательству или эпигонству)» [Гарипова, Шафранская 2022: 17].

Основная часть

Мультикультурность творчества русскоязычной поэтессы белорусско-польского пограничья Л.Н. Красевской

Проблемы жизни славян в мультикультурном пространстве пограничья отразились в творчестве Любови Николаевны Красевской через особую форму символической репрезентации образов, значимых общим мифогенезисом славянской традиции. Она член Союза писателей Беларуси, участница форума молодых поэтов Сибири (Красноярск, 1988), обладатель литературной премии журнала «Новый берег» (Копенгаген, 2007), делегат Всемирных конгрессов соотечественников в Москве (2001) и Санкт-Петербурге (2006), лауреат IV Международного фестиваля художественного творчества соотечественников «С Россией в сердце» (Смоленск, 2007), участница всебелорусских фестивалей национальных культур в г. Гродно (2004, 2006, 2008), лауреат I Международного фестиваля российских соотечественников зарубежья «Русская песня» (Москва, 2007), победитель Международного конкурса поэзии российских соотечественниц, проживающих за рубежом «Мир — твоя колыбель» (2009, Висбаден), организатор трех Международных фестивалей русской поэзии в Беларуси (2006, 2007, 2009).

Вся жизнь моя — хождение за границы... Такие строки можно предположить ее последнему сборнику «На два голоса». Первая часть «Две Родины» открывается одноименным стихотворением, которое является исповедью человека, волею судьбы оказавшегося вдали от своей этнической Родины. Ностальгические чувства приобретают в стихотворении дискурс философ-

ских рассуждений, размышлений о вечности прекрасного чувства патриотизма, верности родным пенатам, счастье свободы:

Вспоминаю тебя... Кто тоскою по Родине лечится?
 Ну, за что мне такая, такая зачем маята?
 Я ответа прошу. Ностальгия — плохая советчица
 Тем, кто в жизни меняет своих обитаний места
 [Красевская 2009: 32].

Поэтесса уверена, что именно на родине черпает человек истоки сил душевных. И где бы он впоследствии ни жил, все равно душа его остается здесь, в родных пенатах. Название символично и тесно связано с судьбой автора, ее пониманием мультикультурности. Родилась Красевская в Красноярском крае, она русская по сути и духу. Но, судя по фамилии, ее корни где-то здесь, в земле «Речи Посполитой». Осев в Бресте, она состоялась здесь как поэт и гражданин, но нет-нет да и обожжет свое сердце воспоминаниями о далекой Сибири, родине ее плоти и духа. Неслучайно в сборник вошло и стихотворение «По-русски»:

Я родилась на том материке,
 Куда упал метеорит Тунгусский.
 Я говорю на польском языке,
 А думаю, а думаю по-русски.

Судить не стоит по одной строке —
 Я в ней не вся. А только мыслей сгустки.
 Пою на белорусском языке,
 А думаю, а думаю по-русски.

Груз бытия... а к Богу — належке
 На круг общенья избранный и узкий.
 Молилась на церковном языке,
 А думала, а думала по-русски [Красевская 2009: 96].

Стихотворение начинается с описания ее «малой родины» — маленького кусочка земли на материке (обширного пространства суши, омываемого морями и океанами), «куда упал метеорит Тунгусский» (небесное тело, упавшее на Землю в бассейне реки Подкаменная Тунгуска в 1908 году). В этом высказывании читатель сразу обращает внимание на прописную букву в прилагательном Тунгусский. Вероятно, поэтесса сделала так потому, что это слово включает в себе обобщенный образ-символ России, ее Родины, Отчизны. Да и в синтаксическом отношении

начало стихотворения представляет собой сложноподчиненное предложение, так как у автора и ее лирической героини возникает необходимость выразить сложную связь прошлого и настоящего, единения «малой родины» (Красноярский край) и приобретенной, второй родины — Беларуси. Поэтому неслучайно свой сборник поэтесса назвала «На два голоса».

Сильными позициями стихотворения «По-русски» являются заголовок, первая и последняя фразы, указывающие на важность поэтического образа Руси. Ключевые слова «Сибирь» — «Польша» — «Беларусь» — «Бытие» — «Бог» — «Язык» — позволяют с помощью подтекстовой информации (два голоса) определить доминанту, являющуюся темой стихотворения и указывающей на идею: петь на два голоса, по-русски и белорусски, по-польски и по-русски непросто, но такое пение лишь обогащает певца, заворачивает...

Поэтесса еще раз подчеркивает, что коммуникация в мультикультурном пространстве несколько отличается от общения в этнической однородной среде. И это понятно, ведь здесь нужно говорить так, чтобы тебя понимали, прислушиваться к языку окружающей среды и вживаться в инонациональную культуру. На этом языке могут быть созданы и произведения, но все же «мыслей сгустки», идеи всегда рождаются на родном языке. И потому, на каком бы языке ни говорила лирическая героиня, все равно она думает «по-русски». Поэтому так четко обозначена поэтессой основная мысль стихотворения — неразрывная связь внутреннего мира героини с малой родиной и родиной приобретенной.

Художественное произведение у Красевской является тем межкультурным медиатором, который помогает читателю формировать картину мира. Чужая, в данном случае немецкая, речь присутствует здесь не как фон, а как элемент немецкой культуры, с которой поэтесса была знакома. Она уверена, что все люди мира, женщины всех наций и народов: немки, польки, белоруски, русские — просто хотят быть счастливыми.

Кажется, что поэтесса входит в духовную биографию читателя, становится его постоянным собеседником, помогая своим творчеством каждому находить ответы на сложные вопросы бытия. Более того, чем дальше уходит она от нас время реальное, тем масштабней и объемней становится поднимаемая проблема. Поэтому, читая произведения Красевской, которые отражают всю сложность женского мировосприятия, понимаешь, как переплелись в нем людские судьбы, славянские миры, их культуры.

Для поэтессы свойственна особая форма мультикультурного патриотизма, в образной системе ее лирики представленного как «два голоса», неразделимых в ее творческом миропонимании семантикой «двух родин». Такое понимание любви к «родине-родинам» становится знаковым и для лирики другого белорусского поэта пограничья А. Аврутина. Авторский формат мультикультурализма репрезентируется в ряде стихотворений че-

рез символический полилог материальной и духовной сфер лирического героя, позиционируемого как носителя ноосферного сознания.

Мультикультурная поэзия А. Аврутина

Русскоязычный поэт Беларуси Анатолий Юрьевич Аврутин уже своей судьбой демонстрирует мультинациональный полилог. Он переводчик, публицист, литературный критик, первый лауреат Международной литературной премии им. Симеона Полоцкого, которая присуждается за выдающийся вклад в развитие русской литературы за пределами России; лауреат премии им. А. Чехова, премии «Русь единая», премии им. Молодой гвардии, член-корреспондент Российской академии поэзии и Петровской академии наук и искусств; он награжден Золотой Есенинской медалью, медалью Франциска Скорины, медалью им. М. Шолохова; являлся первым секретарем Правления Союза писателей Беларуси в 2005–2008 гг.

Исследуя лирические тексты поэта Аврутина («Все смешалось, запуталось и не поймешь...», «Из темных недр Истории самой...», «Автодорожка. Детство» и др.), можно говорить о художественном произведении как межкультурном универсуме, ибо всякое художественное произведение «состоит из материальной и идеальной сфер, неотделимых друг от друга, переходящих одна в другую и вместе с тем — противоположных, качественно различных» [Горбачев 2009: 46].

В одном из стихотворений цикла «Автодорожка. Детство» — «Баба Эйдля» автор выделяет взаимосвязь материальной и духовной сфер лирического героя, подчеркивая их единство. Здесь легко угадываются читателем время и пространство: события войны, преследование евреев и спасение немногих бегством:

Баба Эйдля уехать успела
В сорок первом... В совхоз... Под Казань...
Землю рыла... Себя не жалела,
Шла доить сквозь кромешную рань [Аврутин 2016: 40].

Возвращение на родину было тоже психологически напряженным, потому что никого в живых из родных уже не осталась, и пришлось все начинать с начала одной:

Воротилась домой, чуть от Минска
Откатились на запад бои.
Табурет раздобыла и миску,
Услыхала: «Погибли твои...» [Аврутин 2016: 40].

Автор акцентирует внимание читателя на психологии человека, израненного жестокостью и болью, на его добром сердце, которое не смогла уничтожить даже война:

Обезумела?.. Нет, оставалась
Все такой же — тишайшей всегда.
Только спину согнула усталость
Да в зрчках поселилась беда [Аврутин 2016: 40].

Психология женского лирического персонажа описана автором и через его отношение к пленному немцу:

И порою глядела подолгу,
Как оборванный пленный капрал
Нес раствор...И кусачками щелкал...
И огрызки в карман собирал.

Просто так, молчаливо глядела,
Шла домой, не сказав ничего.
И светилось немывтое тело
Сквозь прорехи в шинельке его [Аврутин 2016: 40].

Может быть, потому героиня и сочувствует солдату, что понимает: и среди солдат-врагов есть человеческие и добрые люди.

Лишь однажды, ступая сутуло,
В сотый раз перерыв огород,
Две картошки ему протянула...
Немец взял и заплакал: «Майн гот!..»
А назавтра, все шмыгая носом
И украдкой дойдя до угла,
Две брикетины молча принес он,
И она, отшатнувшись, взяла [Аврутин 2016: 40].

И потому читателю становится понятным такой христианский поступок героини: помощь голодному немцу. Правда, ее не могут понять окружающие:

Пусть соседи глядели с издевкой,
Бормотали, кто больше речист:
«И взяла... Ну, понятно, жидовка...
И принес... Ну, понятно, фашист...» [Аврутин 2016: 40]

Хотя героиня понимает, что именно немцы убили всю ее семью, она не может мстить пленному солдату: «зашлась удушающим плачем, / А над крышами пепел кружил...» [Аврутин 2016: 40].

Таким образом, мы видим, что Аврутин, сопоставляя и сталкивая психологию представителей разных культур, убеждает читателя в том, что процесс межкультурного общения может быть позитивным даже в экстремальных ситуациях, если человек будет пытаться искать мирные способы разрешения конфликтов. Эта глубокая жизненная философия и сегодня исключительно актуальна. При этом заметим, что способы отражения национальной культуры в языке художественного произведения, вопросы взаимопроникновения языка и культуры всегда важны для понимания как этнической культуры персонажа и писателя, так и мультикультурного пространства любого художественного произведения.

Используя немецкое выражение «Майн гот!..» (рус. «Мой Бог!») и сопровождая его описанием психологического состояния лирического персонажа («взял и заплакал», «назавтра, все шмыгая носом...»), автор тем самым показывает читателю, насколько герой приятно удивлен высокой человечностью еврейки бабы Эйдли, ее душевной чуткостью и добротой. Такое отношение вызывает ответную реакцию у героя: на доброту ответить добротой.

В наиболее явном виде связь «личность — язык — культура» обнаруживается в трудах В. фон Гумбольдта, С.Г. Тер-Минасовой [Язык. Культура. Общение 2008], по мнению которых, язык — это хранилище народного духа, культуры, объединенная духовная энергия народа, чудесным образом запечатленная в определенных звуках. В стихотворении Аврутина «Перед отъездом» автор воспевает «чудесную душу» родных мест, дающих жизненные силы:

Скажу березке: «Все... До встречи...
Я в город... Ждет меня родня».
Она ж листвою пролепечет:
«Мой друг, не покидай меня...»

Потом тропинкою знакомой
Сбегаю к речке через луг:
Тропинка просит: «Ты и дома
Не забывай меня, мой друг...»
<...>

Перед отъездом у колодца
Я наберу водицы в путь.
И снизу голос раздастся:
«Не позабудь... Не позабудь...» [Аврутин 2016: 403].

Бесспорно, что язык всегда воплощает своеобразие народа, национальной культуры и, в свою очередь, формирует это своеобразие в виде

определенной «картины мира». В свое время А.А. Потебня (1835–1891) разработал концепцию языка, основанную на исследовании его психологической природы. Именно язык обуславливает приемы умственной деятельности, и разные народы, имеющие разные языки, формируют мысль своим, отличным от других, способом, что отличает один народ от другого, составляя его своеобразие. Этнолингвисты Ю.С. Степанов, И.Ю. Марковина, Г.А. Антипов подробно исследуют природу лингвокультурологической лакунизации, проявляющейся в процессе межкультурного общения, при столкновении локальных культур и сопоставлении лексики двух языков. В лингвокультурологии, науке о взаимосвязи культуры и языка, в качестве объективных элементов культуры выступает вся совокупность традиционно выделяемых языковых единиц (слов, фразеологизмов, паремий, текстов и т.д.).

Если говорить о творчестве Аврутина, то можно заметить, что в нем есть субъективные элементы культуры, реализованные в языке его произведений, получившие в науке название лингвокультурных концептов, которые позволяют читателю осмысливать художественное произведение как элемент и «вместилище» культуры, в котором отражаются быт, нравы, характеры белорусского этноса. Поэтому художественный текст Аврутина — это всегда выраженная и закрепленная посредством языковых знаков чувственно воспринимаемая сфера литературного произведения, которое рассматривается читателем в широком культурном контексте. Его художественный текст неповторим, уникален, так как в нем отражена энергия общезначимых культурных проблем.

Вообще, художественный текст Аврутина и возникает как эстетический объект («Прости меня, осень...» [Аврутин 2016: 87]), и функционирует именно в этом качестве. Со временем он выступает и как исторический документ, то есть как свидетельство социально-политических явлений эпохи («Зал ожидания...» [Аврутин 2016: 223], «Если вдруг на чужбине...» [Аврутин 2016: 30]), как показатель психологии целого народа («Позабыв про ненужные споры...», «Пускай — изломан...» [Аврутин 2016: 282–283]), как памятник культуры («Немое кино» [Аврутин 2016: 96]) и эстетической мысли народа.

Художественное произведение у Аврутина — это и специфический способ влияния национальной, этнической культуры художника слова на интерпретацию и осмысление им инонационального материала, а также материальной и духовной сфер, которые запечатлены в художественном произведении. А потому стихи Аврутина можно рассматривать и как межкультурный универсум, потому что его лирика совмещает в себе культуру автора произведения, читателя как интерпретатора художественного произведения, понимающего культуру художника слова и персонажа (лирического героя) с позиций своего менталитета, а также инонациональную

культуру или мультикультурность, описываемую в конкретном произведении.

В стихотворении «Черный свет» демонстрируется многоуровневое совмещение биографических страниц жизни поэта, культурного ретроспективного и проспективного планов с философскими проблемами и этическим фоном эпохи белорусской нации, а трансформация картины мира с читательским осмыслением мультикультурного пространства.

Под черным небом ворон черный
Все выстригает ночь из тьмы.
И черный свет над черным дерном
Окутал черные холмы.

Роняет черную иголицу
От скорби черная сосна.
И чернецу в потемках мнится
Чертог у черного окна.

И чернь в порыве злости черной,
Благие помыслы чернит.
И черные взлетают горны
Мрак в непросвеченный зенит.

А стоит в зеркало взглядеться:
И с черных глаз — холодный лед
И чернота стучится в сердце,
И черной кровью изойдет [Аврутин].

Ноосферные общие эсхатологические смыслы фиксирует поэт в символике черного, сознательно выбирая колористику с синкретической семиотикой «темного, злого», характерного для всех народов. Что это? Боль? Скорбь? Утрата? Пожар? Чернота?.. И ничего более... Все черное... Грустная картина жизни и восприятия мира... Поэтому первое впечатление, которое приходит, — необъяснимое чувство страха, ледяющего кровь. Черный свет? А может ли быть свет черным? Или это то, чего не бывает... Свет — это что-то обнадеживающее, радостное, то, что составляет спектр цвета, а значит, жизнь, играющую разными цветами радуги, ее гармонию. А если свет вдруг стал черным, значит, она нарушена... И тогда черный свет — это уже черный мир, черные мысли, которые отражаются в наших сердцах... Стихотворение заставило задуматься о жизни и ее составляющих: свете и тьме. Откуда они в человеческих душах?

Уже в самом названии «Черный свет» чувствуется что-то противоестественное, так как мир обычно раскрашен в разные цвета и чаще всего ассоциируется со светлым цветом. И потому мы уже привыкли к выражению «белый свет», «на всем белом свете», но автор утверждает: для лирического героя свет «черный». Почему же мир (свет) изменил свои тона? Что должно было случиться такое в жизни отдельной личности и народа, что окрасило мир в тон печали, грусти, тревоги, а значит, и жизнь человека в мрачные тона, сделало ее безотрадней? Лирический герой, кажется, доносит читателю мысль, что «здесь уже нет жизни», ибо «черный свет» не может светить. Он, наоборот, свет затмевает. Значит, свет — это не только светлые тона в природе и жизни человека, это еще и мир... такой загадочный, бесконечный и вечный.

Так каков же этот мир в стихотворении Аврутина? Что мы можем увидеть в черном свете? Здесь явно заключена какая-то тайна. И потому первое желание: хочется взять кисть и попытаться проиллюстрировать стихотворение. Что же мы увидим в «Черном свете»? Что попытается донести своему читателю-другу автор? Чернобыль?.. Катастрофу?.. Возможно. Или, может, обожженную чьим-то горячим пламенем душу? И это возможно. Тайна явно не хочет открываться читателю сразу. Картина мира лирического героя разворачивается в системе монохроматической символики с ярко выраженной эсхатологической семантикой: «черное небо», «черный дерн», «черные холмы» и «черный ворон», вестник смерти. «Черная сосна», «черная иглица», «черные горны», «черная кровь». На фоне черноты появляется «чернец», т.е. монах. Ему мнится чертог, то есть великолепные покои. Черные одежды монаха ассоциируются с отказом от искренних земных удовольствий, то есть со смертью при жизни. Но «черные» одежды монаха контрастируют с очищающим «светлым» тоном, то есть с покаянием, прощением и той безгрешностью, которая не может быть «черной». Он светел, и этот свет монах получает от света божественной любви. И чертог, который ему «мнится», по всей видимости, — это храм. Храм веры и света, который озаряет его жизненный путь и составляет основу его картины мира. Автор призывает читателя иметь каждому этот храм в душе, ибо в людской толпе «чернь» всегда «благие помыслы чернит».

В стихотворении далее читаем: «Из черных глаз — холодный лед». Чьи это глаза? А чьи глаза можно увидеть в зеркале?.. Наши. Значит, «из глаз — холодный лед» — это и отречение от радостей жизни, и уже почему-то безразличие к ней. Но все же можно предположить, что, несмотря на то, что лед — холодный, он все-таки остается еще светлым. Вот единственная капля светлого на фоне черного. Глаза — это отражение души, а там — лед. Если его удастся растопить, то душу еще можно будет спасти.

Следовательно, ключевыми словами стихотворения являются «чернец» и «холодный лед». Стихотворение состоит из четырех четверостиший с кольцевой композицией, где сильные позиции дополняются доминантными словами: «черный ворон» на «черном небе» — «чернец» — «чернь»... помыслы чернит» — «холодный лед из черных глаз». Теперь мы только можем определить тему и идею стихотворения: мир вокруг нас и внутри нас. Как важно, чтобы между ними была гармония.

Это стихотворение — откровение, раскрывающее философию пустоты, прежде всего духовной. Образ чернеца корректирует идею. Монах не может быть черным внутри. А значит, главное в человеке — это его внутренняя (духовная) глубина. Она — основа жизни каждого из нас. Это важно помнить как отдельному человеку, так и человечеству в целом, ибо отсутствие духовности может привести к гибели души как отдельного человека, так и нации, человечества. Поэтому смысл жизни каждого из нас — это в первую очередь путь к самопознанию. Автор, кажется, дает мудрый совет читателю-современнику: впусти свет в душу — найдешь «Царствие Божие внутри», а значит, спасение. Стихотворение — и откровение, и предостережение. Мир человека — это свет внутри человека. Следовательно, у лирического героя стихотворения Аврутина «Черный свет» нет пока этого света. Здесь только холодный лед. Мир не понимает и не принимает лирического героя. Если внутренний мир изменится, он растопит лед, тогда появится свет в душе и мир окрасится в разноцветные краски (например, зеленый: холмы, дерн, сосна или голубое небо), мир оживет, возродив к жизни и лирического героя. Следовательно, стихотворение Аврутина — это и предостережение, ибо спасение мира заключается в спасении человека, а спасение человека — в его духовном поиске своего «я», очищении свой души.

Вместе с тем читатель замечает, что поэт рисует страшную картину мира: шестнадцать строк, в которых шестнадцать раз повторяется «черный». Автор умышленно сгущает краски, чтобы акцентировать внимание читателя на проблеме, которая может быть катастрофой для человечества: зло души отдельной личности порождает зло вселенское, и спасения от этой «эпидемии» нет. У читателя создается ощущение внутреннего холода, и, может быть, поэтому «из черных глаз — холодный лед». Текст изобилует однотонными цветовыми эпитетами, которые помогают создать атмосферу зла и бездны: «черный ворон», «черный свет», «черные холмы», «черная злость» и т.д. Славянизмы «чертог», «чернь», «чернец» не только сгущают краски, но и утверждают извечность истины: спасение мира в спасении отдельной души. Оксюморон «черный свет», который звучит как рефрен, — есть некий образ-символ, предостережение потомкам.

Сложное для постижения стихотворение и глубокое по своей философии. Автор, кажется, описывает то, чего быть не может, потому что вся

эта картина противопоставлена самой жизни, и прежде всего жизни духовной. Невольно вспоминаются строки замечательного русского поэта А.Н. Майкова:

Не говори, что нет спасенья,
Что ты в печалях изнемог:
Чем ночь темней, тем ярче звезды,
Чем глубже скорбь, тем ближе Бог... [Майков 1977: 224].

Читатель понимает, что черный свет в стихотворении — это и те испытания, которые всегда даются как отдельному человеку, так и государствам в целом. Как видим, в стихотворении отразились и этническая культура автора произведения, и читательская культура интерпретатора, понимающего философию жизни художника слова, отраженную как в характере лирического героя, так и в его картине мира.

В целом же художественное произведение у Аврутина предстает перед читателем как универсум, вмещающий не только материальную сферу (описание конкретных предметов, деталей, событий), но и сферу духовную (знания, чувства, сознание), постичь которую помогает читателю только его интеллект.

Таким образом, в процессе исследования и сопоставления двух транскультурных поэтических систем Л. Красевской и А. Аврутина мы увидели, что процесс межкультурного общения в системе полинационального и культурного полилога создает особую форму репрезентации художественной картины мира. В ней поэтами фиксируются авторские смыслы не только через «материнский» язык выражения, но и в системе мультикультурной семантической парадигмы, детерминированной интерференцией символов с «материнскими» семиотическими знаками русского национального сознания, метафорикой «родной» (вторичной) белорусской культуры и элементами национальных традиций, сосуществующих в локусе проживаемого культурного «пограничья».

Компаративист И.О. Шайтанов подчеркивает, что «границы, по крайней мере, в пространстве культуры, наделены способностью не только разделять, но и связывать, предоставляя место для встречи и диалога — для диалога культур. Это и есть глобальная посылка современной компаративной теории» [Шайтанов 2011: 53–54].

Источники

Аврутин А. Избранное — 2. ИнтерЛит. Международный литературный клуб. URL: <https://interlit2001.com/avrutin-ar-2.htm> (дата обращения: 10.01.2023).

Аврутин А.Ю. Просветление: Книга поэзии. Минск: Народная асвета, 2016. 463 с.

Красевская Л.Н. На два голоса: Стихотворения и поэмы. Брест: Альтернатива, 2009. 111 с.

Майков А. Избранные произведения. Л.: Советский писатель, 1977. 912 с.

Литература

Венцлов Т. Пограничье: Публицистика разных лет. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2015. 640 с.

Гарипова Г.Т., Шафранская Э.Ф. Сравнительное литературоведение: Методология и практика изучения русской литературы в системе компаративного анализа. Владимир: Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, 2022. 107 с.

Горбачев А.Ю. Поэтика повестей В. Распутина // Русский язык и литература. 2009. № 11. С. 45–53.

Жигалова М.П. Отражение этновитальности и мультикультурности в творчестве русскоязычных поэтов белорусско-польско-украинского пограничья // Теоретична і дидактична філологія. 2012. № 13. Переяслав-Хмельницький: Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет імені Григорія Сковороди, 2012. С. 182–201.

Лотман Ю.М. К построению теории взаимодействия культур (семиотический аспект) // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Таллин: Александра, 1992. С. 110–120.

Русская культура в Европе. Russian Literature in Europe. Fedor B. Poljakov (Vienna). Volume 3. Peterland internationaler Verlag der Wissenschaften. Frankfurt am Mein, 2008. 562 с.

Шайтанов И.О. Триада современной компаративистики: глобализация — интертекст — диалог культур // Проблемы современной компаративистики. М.: Журнал «Вопросы литературы», 2011. С. 49–55.

Язык. Культура. Общение: Сб. науч. трудов. М.: Гнозис, 2008. 540 с.

References

Istochniki

Avrutin A. Izbrannoe — 2 [Favorites — 2]. In: *InterLit. Mezhdunarodnyj literaturnyj klub* [InterLit. International Literary Club]. URL: <https://interlit2001.com/avrutin-ar-2.htm> (accessed: 10.01.2023) (In Russ.)

Avrutin A. Ju. (2016). *Prosvetlenie: kniga poezii* [Enlightenment: a book of poetry]. Minsk: Narodnaja asveta. 463 p. (In Russ.)

Krasevskaia L.N. (2009). *Na dva golosa: stihotvorenija i pojemy* [For two voices: poems and poems]. Brest: Al'ternativa. 111 p. (In Russ.)

Majkov A. (1977). *Izbrannye proizvedenija* [Selected works]. Leningrad: Sovetskij pisatel'. 912 p. (In Russ.)

Literatura

Venclov T. (2015). *Pogranich'e: Publicistika raznyh let* [Borderland: Journalism of different years]. Sankt-Peterburg: Izd-vo Ivana Limbaha. 640 p. (In Russ.)

Garipova G.T., Shafranskaja Je.F. (2022). *Sravnitel'noe literaturovedenie: Metodologija i praktika izuchenija russkoj literatury v sisteme komparativnogo analiza* [Comparative Literature: Methodology and Practice of Studying Russian Literature in the System of Comparative Analysis]. Vladimir: Vladimirkij gosudarstvennyj universitet imeni Aleksandra Grigor'evicha i Nikolaja Grigor'evicha Stoletovyh. 107 p. (In Russ.)

Gorbachjov A.Yu. (2009). Pojetika povestej V. Rasputina [Poetics of stories by V. Rasputin]. In: *Russkij jazyk i literatura* [Russian Language and Literature]. № 11. Pp. 45–53. (In Russ.)

Zhigalova M.P. (2012). Otrazhenie jetnovital'nosti i mul'tikul'turnosti v tvorchestve russkojazychnyh pojetov belorussko-pol'sko-ukrainskogo pogranich'ja [Отражение этновитальности и мультикультурности в творчестве русскоязычных поэтов белорусско-польско-украинского пограничья]. In: *Teoretichna i didaktichna filologija*. № 13. Perejaslav-Hmel'nic'kij: Perejaslav-Hmel'nic'kij derzhavnij pedagogichnij universitet imeni Grigorija Skovorodi. P. 182–201. (In Russ.)

Lotman Ju.M. (1992). K postroeniju teorii vzaimodejstvija kul'tur (semioticheskij aspekt) [To the construction of the theory of interaction of cultures (semiotic aspect)]. In: *Lotman Ju.M. Izbrannye stat'i: v 3 t.* [Selected articles: in 3 vol.]. T. 1. Tallin: Aleksandra. Pp. 110–120. (In Russ.)

Russkaja kul'tura v Evrope. Russian Literature in Europe. Fedor B. Poljakov (Vienna) (2008). [Russian culture in Europe. Russian Literature in Europe. Fedor B. Poljakov (Vienna)]. Vol. 3. Peterland internationaler Verlag der Wissenschaften. Frankfurt am Mein. 562 p. (In Russ.)

Shajtanov I. (2011). Triada sovremennoj komparativistiki: globalizacija — intertekst — dialog kul'tur [The triad of modern comparative studies: globalization — intertext — dialogue of cultures]. *Problemy sovremennoj komparativistiki* [Problems of modern comparative studies]. Moscow: Zhurnal «Voprosy literatury». Pp. 49–55. (In Russ.)

Jazyk. Kul'tura. Obshhenie: Sb. nauch. trudov (2008) [Язык. Культура. Общение: Сб. науч. трудов]. Moscow: Gnozis. 540 p. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 15.08.2022; одобрена после рецензирования 02.09.2022; принята к публикации 12.09.2022.

The article was submitted 15.08.2022; approved after reviewing 02.09.2022; accepted for publication 12.09.2022.

Сведения об авторе

Жигалова Мария Петровна — доктор педагогических наук; профессор; Брестский государственный технический университет; профессор кафедры белорусского и русского языков; действительный член АПСН РФ; заведующий научно-исследовательской лабораторией по социокультурным проблемам пограничья; Заслуженный учитель Беларуси; сфера научных интересов: история русскоязычной белорусской литературы, мультикультурность, компаративистика, интеркультура.

Information about the author

Zhigalova Maria Petrovna — Doctor of pedagogical sciences; Professor; Brest State Technical University; Professor of the Department of Belarusian and Russian Languages; Head Research of the Laboratory on Sociocultural Problems of the Borderland; full member of the APSN RF; Honored Teacher of Belarus; research interests: history of Russian-language Belarusian literature, multiculturalism, comparative studies, interculture.